Ирина РЕМИЗОВА

Автор: Председатель Жюри
17.07.2016 20:43

Лауреат Международного литературного конкурса "1-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2012", Призер Международного литературного конкурса "2-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2013". Лауреат Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2013". Лауреат Международного литературного конкурса "3-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2014". Победитель Международного литературного конкурса "Кубок Мира по русской поэзии - 2014". Призер Международного литературного конкурса "5-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2016". Живет в Кишиневе (Молдова).

Ирина РЕМИЗОВА, Кишинев (Молдова)

БОРМОТАЛКИ

Огонь!

не отводите взгляд
куда-то в высоту –
я маленький солдат,
забытый на посту
у бывшего жилья,
заросшего травой...

не оловянный я,
не сказочный – живой.
гляжу, чеканя шаг
единственной ноги,
как в кукольных домах
пылают очаги –
и корчится в огне
картонная стена,
и снова бьёт во мне
крылом моя война,
и раздирает вой
раскрашенные сны...

... я пёс сторожевой
уехавшей страны,
уже который год
живущий в пустоте –
забытый у ворот
в отъездной суете.
оставили закут –
кто хочет, забирай –
и люди хлеб пекут,
и вырубают рай,
и насаждают бут
взамен усталых лоз –
как могут, так живут,
и им не нужен пёс,
что стережет во сне
дорожные узлы...

... я – слово в тишине
развеянной золы...

Триединое

баили – нигде,
а случилось – тут:
по лихой воде
три челна плывут –
выйдя по шуге
из болотины,
вьются по реке
по Смородине.

первый – бел белым,
струнный и прямой

лебединый дым
над прогорклой тьмой.
всходит по холму
облачная рожь –
на его корму
ступишь да уснёшь.

следом другий чёлн,
чёрен да рогат –
по ухабам волн
расстилает плат,
а на плате том
растопыренном
шиты золотом
птицы сирины.

а в третем челне
дикий царь сидит,
сам-один, зане
волкотой смердит –
из страны чумной
едет с краденой
молодой женой
семибатенной.

от темницы ключ –
у грача в зобу.
камень бел-горюч
на высоком лбу.
разрыдается –
по-над башнями
загораются
звезды страшные.

первый чёлн летит – улыбается.
другий чёлн свистит – насмехается.
третий чёлн когтит – сердце мается,
стылой кровию обливается.

к первому челну
побегу бегом,
на другой взгляну –
повяжусь платком,
а третей придёт –
к заряному дну
припаду ничком.

Я здесь

мартовские потёмки –
не перейдёшь.
где-то у неба тонкий
синичий нож
режет наполовину
краюху дня...

если Ты ищешь глину –
возьми меня,

и в грозовой каплице
среди степи
всё, что устало биться,
перелепи,
выноси в подсердечье
детей иных –
птичьих и человечьих
и зверяных.

вырастут понемножку –
не чуя лет,
будешь в узорных плошках
баюкать свет,
на белоснежной ткани
растить шитьё...

не береги дыханье –
возьми моё.

не доходя до края
едва-едва,
по тишине петляют
следы-слова,
ветреные, синичьи –
наперебой...

дай мне в любом обличье
побыть Тобой.

ШЕСТОЕ НЕБО

Про подойник

чертыхаясь, бранясь и гикая:
«за щипец хватай, остолопина!» -
мужики животину дикую,
волокли — волчка - по сугробинам.
дотащили почти до проруби -
исхитрился утечь, удавленник...
затаился в плетёном коробе
у избы с голубыми ставнями.

на ночлег уйдя с благочинными
пожилыми рябыми клушами,
задремал волчок под овчинами,
да одним ушком зиму слушает:

сытный пар стоит над харчевнями,
злые псы ворчат за заборами,
а душа моя — баба древняя,
космы белые, ноги хворые.
сирин ей поёт многолетие:
подбоченится — скособочится.
и чем дольше живётся в свете ей,
тем сильнее жить дальше хочется.

звон подойника — тихий колокол,
в черноте ночной - звёзды кочнями.
"волокли волчка, дурни, волоком,
а душичка-то, знать, молочная.
поживи, волчок, во моём дому,
во моём дому - белом терему,
а когда придет время в лес уйти,
млечной кипенью затворю пути"

Шестое небо

до закатной полосы
не добраться на трамвае:
бьют песочные часы -
на осколки добивают.
за ночь острого песка
наметает по колено,
средизимние века
окружают постепенно:
сыплют из холщовых сит
металлическое пламя.
время мёрзлое скользит
под стальными башмаками.

посыпают гололёд -
солнце дёргают за вымя...
свет песчинками течет,
не простыми — золотыми.

сверху окрик: шире шаг!
путь извилистый, червивый...
ветер войлочный в ушах
повторяет: чьи вы? чьи вы?
там, где над стеклянным льдом
брызжет радужное пламя -
мы построим первый дом,
а дошедшие — за нами,
и за линией шестой,
возле ангельских сторожек,
встанет город золотой
из намытых небом крошек,
и, под вспыхнувший миндаль,
изотрётся наконец-то
на подошвах наших сталь,
зашнурованная в детстве.

... от пропавшего ключа
след на лаковой пластинке.
ветер с твоего плеча
сдует первую песчинку,
и с Летейского мостка
усмехнётся портомоя,
провожая мотылька
в небо синее седьмое.

Застань меня

Так начинают время – наугад.

Туман стоит, как яблоневый сад,
затылком подпирая потолок,
на горле неба – лунный узелок,
ворчание грача над головой...

Пожалуйста, застань меня живой.

Условных наклонений вышел срок –
отчаливает в море катерок,
и выкликают с тинистого дна
пока ещё не наши имена.

Издалека расслышится едва,
какие мотыльковые слова
летят на свет из нежности, пока
в гортани нет воздушного платка...

Законы не меняют – аз воздам.
Расселят по раздельным городам
в пространстве без дорог и без концов –
под крылышки любимых мертвецов,
и мир наступит, именно такой,
как и мечталось: воля и покой.

Не сводится баланс, провис итог...
От жизни остаётся лоскуток,
но по сусекам есть ещё мука
для пряничной избы и колобка –
полжмени ржи, полжмени ячменя...

Пока я на крыльце, застань меня.

ВЕРСТЫ ДОЖДЕВНЫЕ

Горело

Горело ночью, где – не разобрать,
как будто под листвой у печки грелись:
развёрнутую домиком тетрадь
подхватывала пламенная челюсть,
а после из утробы земляной
по узким камышинкам дымоходов
змеёныши-дымки ползли стеной,
в полночные проваливаясь воды,
свивались под молчание собак…

Над городом, как призрачное судно,
неспешно плыл белёсый волкодлак,
обличие меняя поминутно,
асфальтовые лезвия дорог
завёртывал в нетканые тряпицы, -
от бешеной хромой луны берёг
неохранённых тех, кому не спится.

И было от окна не отойти,
не оторвать притянутого взгляда
от темноты, разъятой на ломти

движениями дымчатого гада, -
и виделось: пока не рассвело,
до третьего призыва зоревого
туманилось холодное стекло
от горького дыхания живого.

Пуговичный дом

В башне из-под польской карамели
(не бывает зданий обжитей),
местопребывание имели
пуговицы всяческих мастей,
разного колёра и калибра,
статуса, достатка, ремесла…
В старом чемоданчике из фибры
спрятана кунсткамера была.

Жизнь текла вольготно и лениво,
только иногда пускался в путь –
в ателье, по воле индпошива –
подходящий к ткани кто-нибудь,
по дорогам самострочной моды
торопясь настранствоваться всласть,
чтобы возвратиться через годы
или оторваться и пропасть.

И, когда грустилось и хворалось,
а порой и вовсе просто так,
чемодана челюсть поднималась,
открывая сущий кавардак:
там, на дне, в коробочке с картушем,
полонил неведомый кащей
круглые разрозненные души
отошедших в прошлое вещей.

Виделось, как будто бы в гостиной
собирались поиграть в лото
бабушкина юбка из поплина,
молодое мамино пальто,
кто-то незнакомый в коверкоте,
платье с отложным воротником,
папина рубашка, кофта тёти
и пуловер, вязанный крючком.

И казалось: ничего дороже
в целом свете не было и нет

чемоданчика с бумажной кожей
и цветной жестянки без конфет:
там дышало весело и мудро
в дырочки, четыре или две,
время из стекла и перламутра,
с местом состоящее в родстве.

Версты дождевые

Потупив очи долу, на заре,
в пустом академическом квартале,
сегодня пели так в монастыре,
как будто люцифера ожидали –
повсюду пламенели голоса,
то вспыхивая вдруг, то затихая,
и раздували ноздри небеса,
и била в барабан гроза сухая,

а после в белокаменном стогу,
подмяв многоэтажные початки,
валялся дождь, выкусывая мгу
из жёстких шкур асфальта и брусчатки,
и всем, кого по свету развели,
об их неразделимости не зная,
казалось, что от неба до земли
верста намного меньше, чем земная.